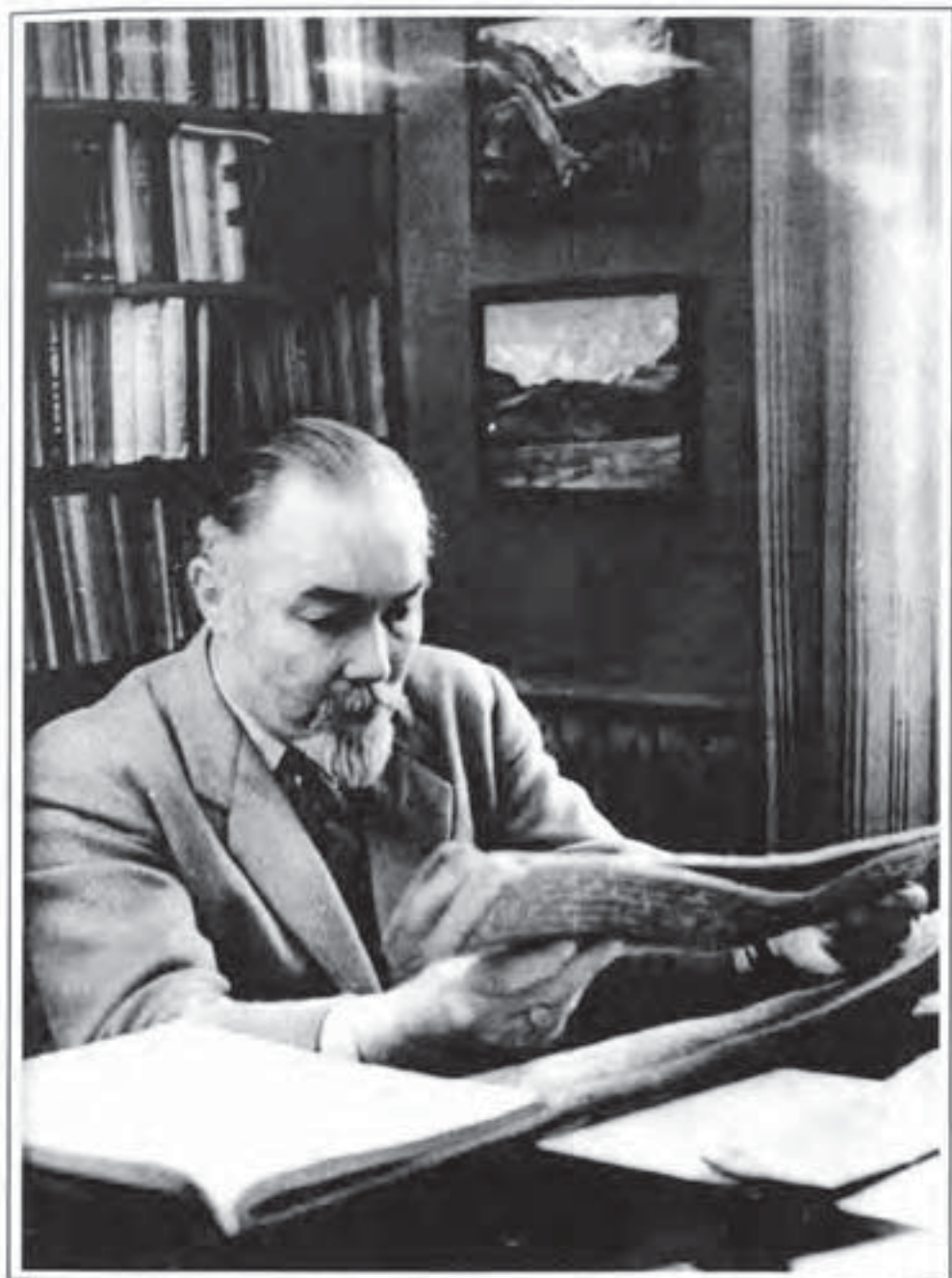

Ю.Н. РЕРИХ

*ПО ТРОПАМ
СРЕДИННОЙ
АЗИИ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АГНИ

Ю.Н.Рерих

ОТ АВТОРА

Срединная Азия с ее могучими горными хребтами и бескрайними пустынями и степями, страна резких климатических контрастов и колыбель выносливых кочевых племен, которые некогда колебали границы Китая и стран Ближнего Востока, всегда манила исследователей. Целая плеяда блестящих ученых, открывших для науки недоступные земли Азиатского континента, в течение нескольких десятилетий поддерживала тот дух первооткрывательства, которому столь многим обязана наша цивилизация, и их пример вдохновляет других отваживаться на покорение далеких и неизведанных земель.

Во Внутренней Азии перед взором исследователя предстает одна из самых грандиозных горных систем мира.

Огромную, не имеющую внешнего стока область Внутренней Азии ограничивают с юга могучие Трансгималаи и унылые высокогорья Каракорума. К северу простираются Алтай и горные цепи южной окраины Сибирской низменности. К востоку и западу от этого огромного бессточного бассейна лежат бесконечные пустынные просторы великой монгольской Гоби и степей Средней Азии.

Центральноазиатская экспедиция, возглавлявшаяся профессором Николаем Рерихом, изучала эти земли почти пять лет подряд. Главной целью экспедиции было создание живописной панорамы земель и народов Внутренней Азии. Пятьсот полотен Н.К.Рериха, в настоящее время выставленные в Музее Рериха в Нью-Йорке, являются одним из самых больших ее достижений. Вторая задача экспедиции состояла в проведении археологической разведки, с тем чтобы подготовить основу для дальнейших серьезных исследований этих малоизученных районов Внутренней Азии. И наконец, большое значение мы придавали сбору этнографического и лингвистического материала, характеризующего древние культуры региона.

За годы путешествия по Тянь Шаню, степным областям Джунгарии, Алтаю, горам Юго-Западной Монголии и высокогорному Тибету экспедиция открыла многочисленные могильники кочевников, относящиеся к периоду между I и VIII веками, в надежде, что в недалеком будущем здесь будут проведены планомерные археологические раскопки. Во время пребывания экспедиции в Монголии и Тибете было собрано также большое количество тибетских и монгольских книг.

Экспедиция выехала из Нью-Йорка в мае 1923 года и в декабре того же года прибыла в Дарджилинг. Здесь мы провели весь 1924 год, готовясь к странствиям по Внутренней Азии. Прежде чем выступить в путь, следовало хорошо изучить тибетский язык. Свое повествование о путешествии мы начинаем со дня выхода экспедиции из Дарджилинга.

В течение пяти лет напряженной полевой работы автор часто пользовался помощью и советами своих друзей, которым он выражает глубокую признательность. Благодарности заслуживают также все участники Центральноазиатской экспедиции Рериха, как европейцы, так и азиаты, стойчески выполнявшие свой долг в самых тяжелых условиях.

Я посвящаю эту книгу своим родителям, которые подвинули меня на стезю науки и с детства вдохнули в мою душу жажду новых открытий и исканий.

Июнь 1931 года Ю.Н.Рерих

I

КАШМИР - ЛАДАК

6 марта 1925 г. наша экспедиция покинула Дарджилинг, а с ним и дружественное княжество Сикким. Спуск по склонам Восточных Гималаев, покрытых джунглями, оставляет неизгладимое впечатление. Внимание путешественников привлекают тропическая растительность и бесконечный поток горцев, бредущих по накатанным телегами дорогам. В Силигури мы прибыли ночью. Поезд шел по Бенгальской равнине, покрытой джунглями, обширными болотами - рассадниками тропической лихорадки и затопленными рисовыми полями. Сквозь густой покров тропической ночи можно было наблюдать за незнакомой жизнью около мерцающих костров, разбросанных среди джунглей и у порогов деревенских хижин, ютящихся меж пальмовых деревьев. Люди в белых тюрбанах и дхоти переходили с места на место, а на железнодорожных станциях воздух звенел от пронзительно высоких голосов торговцев чаем, питьевой водой и сигаретами. Все вокруг казалось живым от непрерывного движения под сенью ночи.

Рано утром поезд прибыл на большую станцию Силдах. После уединения в Гималаях путешественник будет непременно поражен полуевропейским, полувосточным видом города. Улицы Калькутты с автомобилями, конными экипажами, рикшами и разноцветной толпой прохожих напоминают поток, в котором странным образом перемешались Восток и Запад. После суетливого и жаркого дня в большом городе и визита в штаб-квартиру Бенгальского азиатского общества, которое является плодом сотрудничества между западной и восточной школами, мы вновь сели в пенджабский почтовый поезд, чтобы за двое суток миновать пыльные равнины Северной Индии.

Заканчивался сезон жары, и над горизонтом поднималось ослепительное сияние.

Вечером 8 марта экспедиция прибыла в Равалпинди. За несколько часов поезд промчал нас через засушливую каменистую равнину, изрезанную каньонами. Переночевав в местной гостинице, мы снова двинулись в путь, на этот раз в автомашинах. Равалпинди - пограничный город. Повсюду мужчины в форме цвета хаки, а городской базар пестрит разноцветными одеждами, что так характерно для приграничного района. Среди пенджабцев и местных жителей выделяются красивые хазарцы и воинственные патаны, прибывшие из-за границы.

Автомобильная дорога через Мурри в Шринагар хорошо известна, и нет необходимости описывать ее подробно. Это одна из живописнейших и красивейших дорог в мире. Постепенно поднимаясь в горы, в Мурри она проходит на высоте 7000 футов над уровнем моря.

Мы провели ночь в гостинице Гархи, небольшой деревушке на территории Кашмира, расположенной на высоте 2628 футов. Вечером местные мусульмане праздновали приход весны. Освещенная факелами процессия, шествовавшая по противоположному берегу реки, отчетливо выделялась на фоне темного силуэта гор. Эта картина индийской весны поистине незабываема.

На следующее утро мы прибыли в Ури, живописную деревушку-крепость, расположенную на высоте 4370 футов. Горный пейзаж в ее окрестностях необычайно красив, а снежные вершины отливают глубокой синевой. После Ури мы миновали разрушенный храм Бранкутри - типичное строение средневековья в Кашмире. В полдень экспедиция проехала через небольшой городок Барамулла. День выдался ясный, и казалось, что до вершины Нанга Парбата (26900 футов) подать рукой.

В нескольких милях от Шринагара проходит одна из самых красивых дорог в мире, окаймленная рядами высоких тополей. Вокруг расстилается знаменитая Кашмирская долина, опоясанная белоснежными горами.

Около трех часов дня мы прибыли в Шринагар, где на нас накинута целая толпа кашмирцев. Отталкивая друг друга и пронзительно крича, они рекламировали дома-лодки, или шикары, и другие местные достопримечательности. В общем это было довольно жалкое зрелище. Устроив штаб-квартиру в гостинице Недоу, мы сразу же занялись подготовкой к путешествию в Ладак и в пустыни Китайского Туркестана, лежащие по ту сторону высокогорных перевалов Каракорума и Санджу.

Трудное и длительное путешествие в горы требует основательной подготовки, каждая деталь его должна быть продумана тщательнейшим образом, так как путешествие из Кашмира в Китайский Туркестан проходит по самому высокогорному пути в мире. Шринагар - последняя стоянка, где можно закончить все приготовления и запастись провизией. Кашмирские ремесленники славятся своим мастерством и под нашим руководством должны были подготовить снаряжение. В городе было несколько фирм, занимавшихся пошивом зимней амуниции и лагерного снаряжения, но, конечно, мастерам следовало дать самые подробные разъяснения. Для упаковки грузов пришлось заказать яхтаны - деревянные ящики, обитые кожей, ибо металлические ящики не используются, т.к. легко разбиваются.

Зимнее обмундирование для морозной погоды на горных перевалах и для зимнего времени в Китайском Туркестане было сшито из меха кашмирской козы и состояло из гилгитских сапог, меховых шапок, носков и спальных мешков. Мы заказали несколько палаток из водонепроницаемой парусины на теплой подкладке. Эти палатки были специально сделаны так, чтобы противостоять трудностям путешествия и бурям высокогорья.

Они имели двойной полог. Наружный доходил до земли и предохранял от сильных ветров. Каркасные шесты были сделаны из толстого бамбука с металлическими креплениями, а колья - из гальванизированного железа.

Кроме того, мы решили обзавестись собственными верховыми лошадьми, чтобы не зависеть от местного транспорта, на который не всегда можно положиться. В Шринагаре есть хороший рынок, где можно купить прекрасных лошадей яркендской или бадахшанской породы, славящихся по всей Центральной Азии и незаменимых во время длительных путешествий. В горных условиях хороши шринагарские пони, но они, как правило, отличаются строптивым нравом и плохо управляются. С помощью Недоу, хозяина местного отеля, мы купили шесть скакунов, с которыми и прошли от Кашмира до границ Алтая.

Отъезд был назначен на начало августа, и в оставшееся время мы решили совершить короткое путешествие по Кашмирской долине.

Не буду описывать столицу или долину Кашмира, так как существует много литературы о них, а древности страны изучались и описывались таким ученым как Аурел Стейн.

Сравнивая красоты природы и уникальные сады Нишада и Шалимара, заложенные Великими Моголами Акбаром и Джахангиром, с влачащим жалкое существование Шринагаром, поражаешься этому глубокому контрасту. Мы были рады покинуть индийскую Венецию и снова почувствовать себя на открытых просторах прекрасной долины. Запомнилась нам и прогулка по озеру Вулур. Мы наняли большую лодку-дом «Монарх», принадлежавшую приветливому кашмирцу Собра Вангану, и отправились в короткое путешествие к озеру Вулур. Плавание по каналам было не слишком интересным. Лодка медленно продвигалась меж низких берегов. Сами каналы узкие, и вода в них не всегда чиста. Большое озеро Вулур окружено высокими горными хребтами, и в ясную погоду на их склонах играют причудливые тени. Мы высадились в Бандипуре - маленькой деревушке с несколькими хозяйственными постройками. Здесь начинается дорога, которая ведет через Гилгит, Хунзу и Сарыкол в Кашгар и Таримский бассейн.

На озере разыгрался сильный шторм, во время которого оборвались тросы, соединяющие лодку с берегом, и ветер унес ее прочь. Лодочники потратили несколько часов на борьбу со стихией. Лодки-дома не предназначены для дальнего плавания, и лодочники никогда не рискуют уводить их от берега в ветреную погоду. Лодка-дунга, в которой находился наш переводчик-китаец и слуги, лишилась из-за ветра крыши. Так как лодочники сочли нашу ситуацию опасной, то мы решили сократить свое пребывание на озере.

На следующий день погода была прекрасной, и у нас было достаточно времени, чтобы пересечь озеро и войти в канал. Днем снова заштормило, но мы уже были вне опасности.

15 апреля экспедиция направилась в Гульмарг- высокогорную станцию Кашмира. Здесь в прохладе гор мы смогли завершить приготовления к путешествию и решить все организационные вопросы. На станцию мы прибыли в начале весны, когда все еще было покрыто снегом. Там нам довелось пережить ужасную грозу, бушевавшую целую неделю. Раскаты грома с треском рассыпались в горах, молнии со страшной силой носились вокруг нашего дома, освещая ночью все окрестности. В течение нескольких дней мы были полностью отрезаны от внешнего мира и вынуждены оставаться в своих комнатах. Никогда более нам не довелось переживать такой жуткий электрический шквал, сопровождавшийся необыкновенно крупным градом.

В Гульмарге экспедиция провела май, июнь и июль. В конце июля мы получили последнюю партию снаряжения и 8 августа выехали на машинах в Гандербал, находящийся на долгом пути в Ладак и Китайский Туркестан. Наши караваны состояли из 82 вьючных пони, которые должны были нести нашу поклажу в Драс, расположенный в Ладаке на перевале Зоджи. Это было предельное количество животных, которых мы могли прокормить.

Мы прибыли в Гандербал поздно вечером того же дня и увидели, что наши караванщики уже расположились лагерем на постоялом дворе. Языки пламени больших лагерных костров освещали лица людей и длинные ряды караванных животных.

Утром 9 августа мы встали рано и некоторое время были заняты разгрузкой лодок, прибывших из Шринагара. Для наших людей эта работа была новой - приходилось давать им указания по каждому поводу. Старший караванщик Вахаба Вангану был опытным и хладнокровным человеком и прекрасно руководил нашими людьми.

К вечеру весь караван покинул Гандербал. На автомашинах мы доехали до маленькой деревушки Нуннер, затем пересели на лошадей и пересекли Синдх около Ваила. Путь длиною в две мили пролегал по правому берегу реки среди цветущих лугов, и верховая езда доставила нам приятные впечатления.

Канган - небольшая деревушка с просторным бунгалом, где мы встретили нескольких путешественников. Дорога от Кангана до Балтала у подножия перевала Зоджи описывалась довольно часто, и я ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Для мирных караванов лехский международный путь стал доступным в 1891 г. благодаря усилиям воинской части полковника Дуранда. Правительство Кашмира контролирует этот маршрут, поэтому с транспортом и снабжением здесь нет проблем. Государственные амбары и просторные караван-сарай для путешественников расположены на всех этапах пути.

Далее маршрут проходит через Гунд и Сонамарг - место летней стоянки европейцев. Ясная погода сопровождала нас до Сонамарга. В Гунде довелось пережить несколько неприятных часов из-за наших лошадей, и только счастливый случай избавил их от фатального исхода. На всем пути от Гандербала до Балтала растет ядовитая трава, называемая местными

жителями «гумай». Местные лошади даже не притрагиваются к ней, а при-
шлые часто едят ее и погибают. Из-за недосмотра конюхов четыре наши
чшие лошади поели этой травы и к вечеру слегли. Несмотря на все наши
Усилия, их состояние не улучшалось. Испробовав все местные средства,
мы Уешили дать им хорошую дозу соды. Произошло чудо: наутро живот-
ные почувствовали себя лучше, и мы смогли дойти до Сонамарга.

По дороге мы встретили первую группу ладакцев, идущих в Шринагар.
Они были одеты в простую серую домотканую одежду, типичную для ти-
бетских жителей. Когда мы прибыли в- Сонамарг, расположенный на высоте
8600 футов, начался сильный ливень, продолжавшийся всю ночь. Пришлось
остаться в бунгало при почтовой станции почти до середины следующего дня.
Мы выступили в путь только в полдень, когда дождь стал стихать. Сонамарг,
слывущий прекраснейшим местом Кашмира, не поразил нас ничем особен-
ным. Мы увидели лишь несколько цветущих лугов, окруженных прекрасными
сосновыми лесами. Ближайшие горы скрывались за непроницаемой пеленой
тумана и облаков. Дорога была скользкой, и нашим выючным животным идти
было нелегко. После тяжелого трехчасового перехода показался Балтал, рас-
кинувшийся в смешанном березово-сосновом лесу. Гостиница была занята
приезжими из Шринагара, и мы поставили палатки на лужайке. К вечеру
снова зарядил дождь и стих только под утро. На рассвете группа балтистан-
ских погонщиков пони, пришедшая с перевала, сообщила об оползнях на до-
роге. Плохое известие означало, что придется остаться в Балтале на день и
отправить людей на расчистку пути от завалов. Мы послали нашего главного
шикари Сатар- хана и десять погонщиков пони с лопатами на перевал. В пол-
день дождь полил с новой силой, и ненастье продолжалось до позднего вечера.
Все промокло, пришлось принять меры предосторожности, чтобы сохранить
сухими наши ящики с продуктами. Поздним вечером наши люди вернулись и
сообщили, что дорога расчищена, но кое-где сохраняется опасность оползней,
если дождь будет продолжаться. К счастью, дождь прекратился к вечеру, и в
пять часов утра небо совершенно прояснилось.

Путь из Гандербала в Балтал проходит по типичной кашмирской
горной местности с хорошо орошаемыми склонами холмов, получающих
большое количество влаги и покрытых прекрасными лугами и сосновыми
лесами. Резкая перемена в пейзаже наступает только за перевалом Зоджи.
Мы выехали в шесть часов утра и, медленно двигаясь, поднялись на пере-
вал. Летом и осенью перевал вполне доступен, но зимой подъем на него
чрезвычайно опасен и проходим только для людей. Поскольку отшлифован-
ные лавинами склоны покрыты льдом и снегом, всегда есть опасность того,
что снег в любой момент может обрушиться и увлечь путешественника
в пропасть. Поэтому зимой и ранней весной всякое движение здесь пре-
кращается, и путешественнику приходится намного дороже платить нули,
которые согласились бы рисковать жизнью на горных высотах.

Дорога через перевал Зоджи была известна еще в древности. Первое
упоминание о ней мы находим у китайского путешественника Ву Кунга,

который посетил Кашмир между 751 и 790 гг. и сообщил о пути в Тибет через Зоджи. В прошлом этот путь был свидетелем многочисленных конфликтов. В XIV веке по нему проходили турки; вскоре после них вторгся в Кашмирскую долину ладакский принц Рин-чен. В 1532 г. в Кашмир проник знаменитый мирза Мухаммад Хайдар и успешно сражался возле перевала.

Зоджийский перевал (11300 футов) имеет еще одно название - Ду-ши-ла (дус-бши-ла). По мнению доктора А.Х. Франке, это сокращенное название имени богини Ду-ши-лха-мо, жены сиддхи Наропы. По преданию, Наропа бросил ее, потому что от нее пахло кашмирской козой. Негодующая богиня отвернулась от Ладака, и это привело к тому, что Ладак стал страдать от засух, а Кашмир превратился в цветущую долину.

При подъеме на перевал пейзаж совершенно изменился. Теперь мы вошли в местность с голыми горными хребтами, а между ними лежала широкая нагорная равнина, покрытая валунами и скудными пастбищами.

В Митсахое, на девятой миле, мы задержались на час, затем направились к широкой равнине, на которой находился постоянный двор Мата-ян. Погода ухудшалась, тяжелые серые тучи цеплялись за вершины гор. Последние шесть миль мы ехали под проливным дождем, который сделал тропу скользкой, и мы были рады добраться до постоянного двора, где и разбили лагерь на ночь.

На следующий день экспедиция продолжила путь к Драсу. Проезжая через деревушку Пранд, мы видели несколько ферм, окруженных ячменными полями и похожих на небольшие крепости. Через час после Пранда мы въехали в открытую долину реки Драс, где находилось несколько небольших деревушек. Население их состояло из дардов и балтов. Рядом с бунгало возвышалась современная крепость догров, а у подножия холмов и по долине разбросаны развалины нескольких старинных крепостей.

По-тибетски Драс называется Хембабс. Он расположен на высоте около 10 000 футов.

Для меня в Драсе наибольший интерес представляли буддийские каменные скульптуры, найденные на обочинах дороги за деревнями Драса. Всего их четыре, и все они были описаны сэром Александром Каннингемом, который определил их как женские божества, и доктором А.Х.Франке, который точно описал их в книге «Древности индийского Тибета». Первый камень изображает фигуру всадника, вероятно местного раджи, который, как сообщает надпись на обратной стороне камня, воздвиг две статуи бодхисаттвы. На соседнем камне высечен бодхисаттва Майтрея в великолепном костюме раджакумары, или принца. Он изображен стоящим. В поднятой правой руке он держит четки, а в левой - вазу, или бум-па, на его голове диадема (мукута). Ниже расположены фигуры подданных. В правом углу камня выбита шарадская надпись, к сожалению, плохо сохранившаяся.

Я уже упоминал в других работах, что культ Маитреи связан с распространением Махаяны.

Изображения бодхисаттвы Майтрейи, встречающиеся вдоль караванного пути Кашмир - Ладак и других караванных дорог Центральной Азии, оставляют глубокое впечатление.

На третьем камне изображен бодхисаттва Авалокитешвара с двумя учениками. Надпись над головой одного из них, обнаруженная доктором Франке, сильно повреждена.

На четвертом камне высечен цветок лотоса, который Франке датирует примерно X веком. Несомненно, они в какой-то степени связаны с проникновением буддизма в княжества Западного Тибета и могут относиться к IX веку.

В Драсе нам пришлось заменить пони на других животных, что потребовало длительных переговоров с местными старшинами. Благодаря отличной организации перевалочной службы на ладакском пути транспорт можно получить без проволочек. В нашем случае требовалось не менее 70 вьючных животных. Это много, если учесть, что население здесь не так уж велико. К вечеру все было устроено, и вьючные лошади и дзо (помесь яка с коровой) начали собираться во дворе почтового бунгало. Утром мы прошли через юбычную «церемонию» распределения грузов старшинами среди погонщиков. Во дворе толпились горцы в темных тюрбанах, и, как всегда, погрузка сопровождалась громкими выкриками, а подчас и спорами. Однако надо отдать должное ладакцам и балтам, которые очень быстро управились.

За Драсом дорога проходит вдоль ячменных полей, обнесенных низкими каменными оградами, и спускается к реке Драс.

Маленькая деревушка Дунделтханг была местом недавней трагедии. Американский путешественник м-р Лэндон пропал здесь по дороге в Ладак. Его тело впоследствии было найдено и погребено на небольшом европейском кладбище в Лехе.

Долина сужалась, и тропа шла по левому берегу реки, протекавшей через красивое ущелье. К вечеру мы были уже в Шимша-Карбу и разбили лагерь на постоялом дворе, живописно расположенном в ивовом саду. Над бунгало возвышались руины крепости, некогда принадлежавшей, по преданию, султану Кри из Сода, местечка изозле Каргилла. В Шимша-Карбу все чаще встречаются ладакцы.

В караван-сараяе рядом с бунгало мы обнаружили небольшой караван яркендских торговцев и несколько паломников, шедших из Кашгара в далекую Мекку. Со времени мировой войны большинство паломников преодолевают высокие перевалы Каракорума, а затем следуют через Бомбей и морем. Многие гибнут в пути, но большинство возвращается, чтобы занять почетное место в своих общинах.

Следующий переход привел нас в процветающий городок Каргил - последнее крупное поселение в районе Дарда. У Кхарала имеется хороший висячий мост. Здесь дорога ответвляется в Скардо и пересекает реку, затем следует в Каргил вверх по течению реки Суру.

В Донгга, находящемся между Шимша-Карбу и Чанигундом, я обследовал валуны с множеством высеченных на них горных козлов, охотников с луками и знаков свастики. Такие наскальные изображения широко распространены в Ладаке и соседних горных местностях и встречаются даже в оазисе Санджу, на северном склоне перевала. Они принадлежат примитивному культу природы Тибета, обычно называемому Бон. Горные козлы очень популярны в древнем культе огня монголов и связаны с символом плодородия. Видимо, эти наскальные изображения принадлежат древнему общему религиозному периоду Внутренней Азии.

Городок Каргил расположен на обширном плато. Аллювиальные склоны, постепенно понижающиеся к реке, орошаются. Он является столицей провинции Пуриг. Население его составляют тибетцы, принявшие ислам. Улицы его заполнены разноцветной толпой торговцев и других приезжающих на городской базар. Крепкие и красивые яркендцы перемешаны с гилгитами и хунзарами. Низкорослые и коренастые ладакцы в серой домотканой одежде гонят по улицам табуны лошадей и ослов. Горбоносые и огненнородые кашмирцы заключают сделки с дардами в черных тюбанах и горцами из Скардо.

Мы испытали некоторые трудности, пытаясь заполучить необходимое количество вьючных животных. Большой торговый караван забрал всех подходящих животных, и мы провели несколько часов, укомплектовывая свою колонну. Наконец, небольшой ладакский караван согласился отдать нам внаем своих животных до следующего перевалочного пункта.

Достопримечательностью города является замок догров, построенный в наше время, интересен и замок Сод, расположенный немного севернее Каргила, побывать в котором у нас не хватило времени.

Следующий переход привел нас из Дардистана в буддийский Ладак. При выходе из Каргила дорога пересекает обширное песчаное плато. Через два часа мы достигли деревни Пашкьюм - свидетельницы победоносного рейда догров. После деревни путь пошел по узкому ущелью из песчаниковых скал. Первые буддисты встречаются в Шар-го-лха. Долина внезапно расширяется и линия чортенов, или ступ, возвещает вход в буддийское королевство Ладак.

Дервня Шар-го-лха оставила след в местной истории. В соответствии с преданиями, один из министров тибетского короля Сронг-бцан-сгам-по, блон-по Риг-па-цан, говорят, родился именно здесь. Его дом еще сохранился и расположен около моста в Шар-го-лха.

Около деревни находится пещерный монастырь, представляющий значительный интерес. В соответствии с местными преданиями, монастырь построили два местных вождя Тхог-лде-джо и Янг-лде-джо.

Последние три мили дорога из Шар-го-лха к Мульбе проходит через местность необычайной красоты: остроконечные контуры неровных скалистых горных хребтов четко выделялись на фоне неба. Маленькая деревня

Мульбе приютилась у подножия скалы, на которой находился небольшой ламаистский монастырь Мульбе.

Мульбе и ее древние достопримечательности были тщательно изучены доктором Франке, замечательным исследователем истории Западного Тибета. Результаты его изысканий изложены в научной статье «Наскальные изображения в Мульбе».

Мульбе славится старинным замком дардов, двумя монастырями и несколькими значительными надписями, найденными на скале, на которой стоит один из монастырей.

Однако главной достопримечательностью Мульбе является выбитая на камне колоссальная фигура Майтрейи. Впервые изображение было обнаружено и описано Муркрофтом в 1820 г. Оно представляет собой стоящего бодхисаттву, высотой не менее двадцати футов. Бодхисаттва облачен в одежду индийского аскета со священным брахманским шнуром, который отличает изображения бодхисаттвы от женских божеств в подобных облачениях. Трудно сказать что-либо определенное относительно датировки этой статуи, но ее чисто индийское происхождение очевидно, и как памятник искусства она занимает выдающееся место среди каменных скульптур Ладака. Местное предание относит ее к эпохе великого лотавы, или переводчика, Рин-чен-бцанг-по (Ратнабхадра 964-1054). Я полагаю, что эта версия близка к истине, и это каменное изображение бодхисаттвы принадлежит к X-XI векам. Нижняя часть изображения скрыта за небольшим храмом, или лха-кхангом, построенным Вазиром Сод-намом, местным землевладельцем. Пожилой священник служит в часовне и возлагает цветочные гирлянды и топленое масло буйволицы к изображению, перед которым на низком алтарном столике горит жертвенная лампада. Стены часовни украшены фресками, представляющими «восемь великих сыновей Ньева», о которых говорят, что они высекли изображение. Хранитель принадлежит к старинному роду астрологов, и его обязанностью является быть продолжателем семейной традиции.

Снаружи изображение скрыто деревьями и часовней, но при входе в помещение неожиданно перед глазами возникает колоссальная статуя. Она производит мощное незабываемое впечатление на каждого, кто посещает это место.

Из часовни мы направились в дом местного землевладельца, который воздвиг часовню Майтрейе. Он расположен несколько выше дороги и представляет собой обычный тибетский дом с конюшнями и комнатами для слуг на первом этаже и жилыми покоем на верхнем этаже. Мы застали вдову в личной часовне, молящейся за упокой души ее умершего мужа. Зажиточные тибетцы очень часто тратят значительные суммы денег на поминовение души умерших родственников. Огромные пожертвования преподносятся монастырям, в которых молятся за спасение и скорейшее воплощение умершего. Вдова последнего землевладельца Мульбе наняла

ламу, который проводил дни в чтении молитв, при этом ритмично ударяя в барабан.

В часовне имелось несколько глиняных и бронзовых изображений Сакьямуни, Учителя Падмасамбхавы, Тары, Спасителей, а кроме того несколько фотографий настоятеля, или шку-шок, монастыря Хемис, Таши ламы из Цанга и Далай ламы Лхасы.

Служанки мололи на крыше ячмень и сбивали масло.

Из дома землевладельца мы поднялись по крутой скале к монастырю, расположенному на вершине. Это был небольшой храм обычной тибетской архитектуры, расположенный внутри ограждения. В лха-кханге служил пожилой священник. Внутри храма находился алтарь с позолоченным глиняным изображением Падмасамбхавы. Маленькая библиотека, состоящая из шестнадцати томов Праджнапарамиты, или Бум, располагалась вдоль стен храма. Этот монастырь принадлежал секте Дуг-па, переформированной школы Ньинг-ма-па тибетского буддизма.

Возвращаясь из монастыря, мы исследовали надписи, высеченные на скале. Среди них был эдикт, обнародованный королем Бум-лде, и свадебное поздравление королю Джамьянгу (Джамдбьянгс) и его супруге.

Мы выехали рано утром следующего дня, для того, чтобы добраться до следующего пункта Бод-Кхарбу.

Дорога проходила через перевал Намике на высоте 13000 футов. Подъем очень пологий, и после перехода через перевал дорога ведет в долину Кхарбу, представляющую интерес многочисленными разрушенными замками, которые венчают голые вершины гор. Это место было ареной боевых действий в период правления короля Дел-дена (бДе-лдан рнам-ргьял, 1620-1640 гг.).

Долина орошается небольшой речкой Танджичу и покрыта зеленью ячменных полей, тщательно обнесенных каменными заграждениями. Мы разбили лагерь на постоялом дворе Бод-Кхарбу, небольшой ладакской деревушки, расположенной на высоте примерно 11000 футов. На противоположной стороне реки на высокой крутой скале находится сильно разрушенная крепость сТаг-рце. Немного ниже долины, к северу, находится старая крепость Чигтан. Деревня Чигтан тоже имеет небольшой монастырь, который можно отнести к XI веку.

Старый город Кхарбу, разрушенный, вероятно, во время войны, начатой королем Дел-деном против султана Кхри из Карце (около 1620-1630 гг.), расположен на песчаном плато выше деревни Бод-Кхарбу. Над руинами города возвышается тоже разрушенная старая крепость Кхарбу.

За деревней в узком ущелье находится небольшой буддийский храм, или лха-кханг. Там мы встретили пожилого ламу, ведущего богослужение перед несколькими глиняными изображениями. Одно из них, в центре алтаря, представляло Спьян-расгзигс Тхугс-рдже-чен-по, Авалокитешвару, бога милосердия. В храме не было собственной библиотеки, за исключением нескольких молитвенников.

Следующий переход привел нас в Ламаюру, знаменитый монастырь на маршруте Кашмир-Ладак. Уникальный по красоте вид открывается перед путешественником с вершины перевала Пхо-тхо ла, на высоте 14000 футов над уровнем моря, - обширный амфитеатр зубчатых гор, остроконечных скал и отдаленных снежных пиков.

Через час спуска по пологому склону из-за низкого песчаного отрога появляются первые ступы, стоящие у въезда в узкое ущелье. На входе в долину открывается удивительный пейзаж: высоко на крутых песчаниковых скалах стоит живописный ламаистский монастырь Ламаюру. Чортен и монашеские кельи ютятся в узких расселинах скал. Крутые склоны скал испещрены многочисленными пещерами, используемыми в качестве жилищ, а иногда и в качестве жилищ местными жителями деревни. Известно, что такие пещерные поселения существуют по всему Тибету и особенно часто встречаются в западных районах страны. Современная деревня Ламаюру расположена у подножия скал, несколько выше постоянного двора.

Мы провели еще один день в Ламаюру и посетили монастырь. В настоящее время он принадлежит ламаистской секте Бри-кхунг-па. Согласно местному монастырскому преданию, он был основан знаменитым махасидхой Наропой, который жил в девятом веке и с именем которого связано много событий в религиозной истории Ладака. Говорят, что свое название монастырь позаимствовал от гюн-г-дунг, или свастики, синонима Бон, т.е. примитивной религии поклонения силам природы Тибета. Доктор Франке связывает с названием монастыря следующую легенду:

«Когда сюда прибыл Наропа... м есто, где теперь находится долина, было занято озером, которое он осушил. Монастырь получил свое название от плантации священного зерна, которая таинственным образом приняла форму свастики (гЮнг-дунг)». Интересно, что вокруг Ламаюрских гор видны следы озерных отложений, и странно, что Дру в своей книге даже не упоминает об этом. Ладакцы, должно быть, обладают настоящим геологическим чутьем, если придумывают такие легенды. У них есть легенды о существовании в прошлом озер около Леха и Трилоканатха в Лахуле. Конечно же, название гюн-г-дунг было дано не Наропой, и его следует отнести ко времени задолго до приезда учителя в страну, так как это было самое древнее место появления религии Бон, которое называлось Гюн-г-дунг Бон».

Мы посетили ду-кханг, или зал собраний, в котором молились около двадцати монахов, монастырскую библиотеку, содержащую Канджур и Танджур нартанского издания, и маленький внутренний двор, в котором исполнялись религиозные танцы.

Воплощенный лама Ламаюру отсутствовал, и нам позволили посетить его покои, которые, как обычно, были чисты.

По словам монастырских лам, самая старая часть храма называлась Сенг-ге сганг, расположенная с южной стороны скалы Ламаюру. Главное изображение представляет Манджушри, или Джам-пе янг. Согласно мест-

ному преданию, храм Сенг-ге сганг датируется периодом бКа-гдамов, т.е. XI веком. Доктор А.Х.Франке, посетивший этот храм, считает, что предание полностью согласуется с действительным временем появления храма.

Мы также посетили разрушенное святилище Бон, описанное доктором Франке. К сожалению, фрески, когда-то украшавшие стены помещения, находились в очень плачевном состоянии, и с трудом можно было узнать изображенные образы.

23 августа мы свернули лагерь и продолжили дальнейшее путешествие, надеясь достичь деревушки Нурла за один день.

Дорога довольно плоха. В некоторых местах приходится пересекать сглаженные лавиной склоны, с которых непрерывным потоком сползает песок и гравий. Несколько раз нам пришлось пробираться через огромные скопления разрушенных горных пород - следов недавно протекшей лавины. После трехчасового перехода мы достигли открытой долины Инда и, перейдя большую реку по подвесному мосту, оказались в крупной деревне Кхалаце.

Кхалаце, старый дардский центр, знаменит памятниками древности, и доктор А.Х. Франке описал большинство из них в нескольких статьях и книгах. Когда-то это была дардская колония, и здесь до сих пор сохранились развалины крепости дардов. Король Ладака Лха-чен Наг-лунг (1150-1175 гг.) построил знаменитую крепость Браг-наг, развалины которой все еще возвышаются над деревней. Доктор Франке обнаружил ряд надписей на древних языках кхарошти, брахми и гупта, которые доставляют много трудностей его последователям.

Современная деревня Кхалаце живописно расположена среди абрикосовых рощ. После короткой стоянки в деревне мы продолжили путь в сторону Нурлы (сНур-ла). Путь пролегал по ровной каменистой почве. Стояла сильная полуденная жара. Мы прибыли в Нурлу днем и сняли комнаты для ночлега на небольшом постоялом дворе.

Дорога из Нурлы в Сасполу проходила по голой местности, почти полностью лишенной растительности. Саспола - огромная деревня с многочисленными рощами. За Индом на расстоянии двух миль находится интересный монастырь Алчи, один из старейших монастырей Ладака. Он относится к периоду Рин-чен-бзанг-по (XI в.) и в нем сохранилось много древней индийской резьбы по дереву, которая напоминает изящную резьбу средневекового Кашмира. В деревне Саспола есть две разрушенных ступы, приписанные Рин-чен-бзанг-по. На разрушенном фундаменте большей из них воздвигнут небольшой монастырь, называемый Чам-па гом-па (Бьям-па дГон-па). В нем хранится большое позолоченное изображение из глины бодхисаттвы Майтрейи и несколько других крупных изображений стоящих бодхисаттв. Согласно местному преданию, стоящая статуя Майтрейи была воздвигнута самим Рин-чен-бзанг-по. Но более вероятно, что настоящая статуя относится к сравнительно недавнему периоду и просто заменила старую, которую можно отнести ко времени великого переводчика.

Следующий переход из Сасполы в сНье-мо был интересен несколькими старыми монастырями. Выходя из Сасполы, дорога пересекает широкое песчаное плато. Недалеко от маршрута находится большой монастырь Клу-дкыл, в народе называемый Ликир. Его основал король Лха-чен ргьял-по (1050-1080 гг.). Дорога спускается в более глубокую долину и приводит к романтически расположенной деревушке Базго, знаменитой одним из старейших монастырей Ладака и древним дворцом его королей.

В старом храме, основанном королем Тхсе-дбанг рнам-ргьялом, имеется огромная статуя Майтрейи, Авалокитешвары и фрески. Древний дворец лакских королей имеет небольшой монастырь Селджанг. В нем находится большая статуя бодхисаттвы Майтрейи, воздвигнутая королем Сенг-ге рнам-ргьялом около 1610 г. Здесь же хранится древняя королевская библиотека Ладака. Насколько (я знаю, ее содержимое никогда тщательно не исследовалось, а тома не были систематизированы. Базго была ареной серьезного сражения, когда монгольские войска осадили ладакского короля бДе-легс рнам-ргьяла, правившего между 1640 и 1680 гг.

Базго с полуразрушенными храмами и крепостями, построенными на обрывистых утесах, и причудливыми домами современной деревни, уютящимися между святилищами и песчаниковыми скалами, производит неизгладимое впечатление на путешественника; и я до сих пор лелею в памяти картину этого древнего уголка западного Тибета. Здесь, как уже было сказано, находятся самые старые монастыри Ладака.

Из Базго дорога ведет по ровной каменистой почве к группе крестьянских хозяйств, называемой сНье-мо. Бунгало оказалось занятым группой европейцев, путешествующих из Леха, и мы предпочли разбить лагерь в тенистой роще.

Рядом с сНье-мо находятся развалины старого форта, называемого Чунг-кхар, от которого остались только стены.

26 августа мы выехали рано, чтобы преодолеть последние семнадцать миль до Леха.

Около сНье-мо дорога уходит в сторону от Инда и пересекает широкое плато, окруженное скалистыми горами. После трехчасового перехода мы прибыли в деревушку Пхьи-дбанг, где находится знаменитый монастырь, построенный королем бКра-шис рнам-гьялом (1500-1532 гг.). Монастырь принадлежит секте Бри-кхунг-па и имеет прекрасный лха-кханг, или храм.

Около двух часов дня мы достигли большого монастыря желтошапочников Спитуг (дПи-тхуг), построенного королем Бум-лде (XV в.) на крутой скале. Этот монастырь был одним из первых монастырей желтошапочников в Ладаке. Он имеет филиалы: монастырь Зангскар, неподалеку от Леха, и широкоизвестный монастырь Ридзонг (Ри-рдзонг).

Монастырь Спитуг широко известен во всем Тибете, благодаря суровой жизни монахов и учености настоятеля. Он был воздвигнут в честь великого реформатора рДже-рин-по-че Дзон-капа (1357-1419), и в ду-кханге, или зале собраний, находится огромное изображение святого. Мы решили

посетить монастырь и для этого поднялись на крутую скалу, где он находился. Без труда получили разрешение и были сердечно приглашены настоятелем и его помощником, или умдзе. Сначала нас провели по дукхану, где около 30 монахов совершали богослужение. Стены были покрыты фресками, но густой сумрак внутри помещения мешал хорошо рассмотреть многие из них. Перед алтарем горели в несколько рядов жертвенные светильники, и их мерцающий свет время от времени освещал ясные лики святых.

В личных покоях воплощенной ламы, или ску-шока, нас угостили чаем и сладостями. Сам лама находился в это время в монастыре Ридзонг, где получал наставления по буддийской метафизике. В его отсутствие монастырем управлял лама Лобзанг, приятный пожилой мужчина со спокойными манерами, который произвел на всех нас очень хорошее впечатление. Он был одним из посвященных лам, впитавших в себя вековую религиозную культуру.

Личные покои ламы были опрятны и хорошо меблированы в тибетском стиле. В них стояли расписные застекленные шкафы, в которых хранились глиняные и бронзовые статуэтки и небольшая библиотечка из религиозных текстов, предназначенных для личного пользования ламы. Его мантия висела на низком троне, стоящем у северной стены комнаты. После приятно проведенного времени в обществе настоятеля и его помощника мы взобрались на крышу монастыря и любовались изумительным видом широкой открытой долины Инда, к северу от которой находилась столица Ладака.

Последние пять миль до Леха дорога проходила по каменистой равнине, поросшей кое-где небольшими рощицами. Лех и его базар, обнесенный высокими стенами, городские ворота, возвышающаяся громада дворца и живописная толпа, запрудившая базарную площадь и улицы, производят незабываемое впечатление. Это один из тех городов Нагорной Азии, который сохранил типичные черты караванного центра, куда стекаются многочисленные караваны, везущие товары из Индии, Китая, Тибета и Туркестана.

Чтобы тщательно провести археологические исследования Ладака, следует подольше оставаться в этой стране. Все, что мы знали о прошлом страны и ее древних памятниках, почерпнуто из работ доктора А.Х.Франке и его предшественников из моравийской миссии.

Экспедиция находилась в столице Ладака с 26 августа по 19 сентября 1925 г., за исключением нескольких дней, потраченных на путешествие в знаменитый монастырь Хемис и на осмотр других достопримечательностей в окрестностях города. Большая часть времени была занята подготовкой к предстоящему трудному переходу через высокие горы в Китайский Туркестан. Нам пришлось распустить всех наших кашмирских слуг, которые были совершенно непригодны для трудного путешествия в горах, и нанять новых, опытных людей. Транспортная проблема тоже доставила

много хлопот, так как было необходимо найти надежных караванщиков и хороших животных. Большинство караванов, прибывавших в Лех, имело очень слабых животных, которым требовалось несколько недель для восстановления сил.

После недолгих поисков и длительных переговоров с аксакалом Леха, назначенным британцами, мы подписали договор с Назар-баем, караванщиком из Каргалыка, в распоряжении которого было тридцать шесть хороших вьючных лошадей. Он прибыл в июле, и его табун лошадей пастся в течение двух месяцев на пастбище в окрестностях Леха. Нам требовалось семьдесят шесть вьючных животных для перевозки снаряжения экспедиции, и оставалось найти еще тридцать лошадей в добавление к тем, которые у нас уже имелись.

Каждый день мы совершали обход караван-сараев и постоянных дворов, в которых останавливались яркендские торговцы, интересуясь прибывающими и уходящими караванами. Наконец нам посчастливилось найти тридцать вьючных лошадей, принадлежавших афганскому торговцу Омархану, прибывшему из Яркенда. Его лошади недавно вернулись с перевалов и были в плохом состоянии, но владелец обещал хорошо откормить их за оставшиеся три недели и подготовить к отъезду. Нам пришлось согласиться, так как это было единственным решением нашей транспортной проблемы. На таком трудном и безлюдном маршруте, как каракорумский торговый путь, всегда предпочтительнее использовать наемный транспорт и не подвергать риску караван из купленных животных. Трудности горного маршрута, разреженная атмосфера и абсолютная бесплодность, гибель большого количества караванных животных делают путешествие очень дорогостоящим. Цены за одну вьючную лошадь от Леха до Хотана или Яркенда колеблются от шестидесяти до восьмидесяти рупий. Мы установили цену за одну лошадь в размере семидесяти шести рупий с условием, что караван из таких животных будет везти снаряжение экспедиции на протяжении двадцати четырех дней из Леха в Хотан.

Нашими караванщиками были крепкие турки из Каргалыка и Хотана, одетые в огромные чапаны, высокие ботинки и чаруки большие овальные меховые шапки, защищавшие их от жестоких ветров и бурь нагорий. Странно было слышать резкую гортанную речь восточных турков, так непохожую на мягкий индийский урду и беглую речь лхасских тибетцев. Некоторые караванщики знали немного китайский, и наш переводчик-китаец мог кое-как с ними объясняться.

После решения транспортной проблемы у нас появилось больше времени для осмотра достопримечательностей Леха и его окрестностей.

Современный Лех расположен на поперечной трассе нескольких важных центральноазиатских караванных путей, поэтому имеет важное историческое значение для приграничного района Индии.

С Лхасой, столицей Тибета, его связывают три длинных трудных маршрута, первый из которых пересекает Тибетское нагорье и ведет к севе-

ру от Великих Озер: Нгантзе тшо, Чьяринг тшо (Кьяринг тшо) и Нам тшо, или Тенгри-нор, как обозначено на наших картах, соединяясь с великим монголо-лхасским маршрутом в важном пограничном центре Нагчу дзонг. (По-тибетски «дзонг» означает административный центр района, а не крепость, как ошибочно пишут).

Второй из трех маршрутов пересекает Тибетское нагорье по направлению к священной горе Кайлас и проходит южнее Великих Озер: Дангра юм-тшо, Нган-тзе и Тенгри-нор. Путешественники, следующие этим маршрутом, выходят к Лхасе через высокий перевал Горинг ла горной цепи Ньенчен Тангла.

Третий путь пролегает по течению реки Брахмапутры, через Сага-дзонг, расположенный к северу от нее. Далее он проходит либо по берегу Брахмапутры к Лхарцзе-дзонгу или пересекает реку и проходит через Тенгри по непальской границе. Причем в обоих случаях путь лежит через Лхасу и Шигадзе. Последний маршрут используется большинством ладакских торговцев, путешествующих в Лхасу, и посланниками кашмирского махараджи ко двору.

Каракорумский путь, который справедливо называют самым высокогорным торговым путем в мире, соединяет Лех с далеким Китаем и оазисами Китайского Туркестана. Торговцы из Яркенда, Кашгара и Хотана, главных оазисов Юго-Западного и Восточного Туркестана, следуют по нему в Индию. Из Леха центральноазиатские караваны попадают в Кашмир через перевал Зоджи ла или через Зангар, Лахул, долину Кулу и провинции Манди; Хошиарпур и Амритсар - два больших торговых центра Пенджаба. В течение последних десяти лет туркестанский торговый путь приобрел особо важное значение, и индийское правительство всячески содействует его развитию на территории Индии. В связи с закрытием русской границы и недавно начавшимися волнениями и гражданской войной в Западном Китае туркестанский торговый путь повернул на юг, к Индии. Он жив благодаря караванам, которые идут навстречу ледяным ветрам и частым снежным лавинам на горных перевалах.

Такое благоприятное положение делает Лех чрезвычайно интересным местом для проведения археологических и этнографических исследований. Два главных городских базара заполнены разноцветной толпой, среди которой выделяются опрятно одетые тюрки из Туркестана. Перед открытыми лавками громоздятся огромные тюки туркестанского войлока, или нимдаха, который привозят из Хотана, Г ума и Яркенда. Он диктует высокие цены на индийских рынках. Некоторые сорта войлока украшены декоративным рисунком и по качеству намного превосходят такой же войлок из Монголии и Китая. В походной жизни войлок незаменим, т.к. им выстилают пол палаток, а караванщики используют его в качестве постели. Экспорт такого войлока из Туркестана в Индию за последнее время сильно увеличился, и это благоприятно отразилось на развитии древнейшего промысла.

С севера кочевники привозят мягкую тибетскую шерсть, из которой кашмирские умельцы изготавливают прекрасные пашминские шали.

Караваны из Туркестана прибывают обычно в июле и августе, а отправляются обратно в октябре и даже в ноябре, до того как снег закроет на зиму перевалы. Основные товары, привозимые в Лех и Кашмир, - туркестанский войлок, китайский и хотанский шелк, мех, шерсть, изделия из кожи, такие как туркестанские высокие сапоги и чаруги, так высоко ценимые ладакскими караванщиками. На продажу выставлено много лошадей. Яркендские караванщики обычно пригоняют огромные количества верховых лошадей, которых они гонят ненавьюченными через перевалы, зная, что выносливая и быстроногая туркестанская лошадь всегда найдет покупателя в Кашмире или на равнинах Индии, где не разводят собственных скакунов.

Возвращаясь домой, караваны везут европейские товары: манчестерское сукно, бредфордскую шерсть, английские и немецкие красители, различные предметы галантереи, индийские товары и специи, такие, как шафран, в большом количестве экспортируемый из Кашмира в Туркестан и Тибет.

Вся эта пестрая толпа приезжих движется, кричит, жестикулирует на улицах и базарах Леха. Сидя на веранде почтовой гостиницы, постоянно слышишь приятные позвякивания колокольчиков проходящих мимо караванов и песни ладакских жителей, везущих с полей траву. Время от времени неиссякаемый поток людей и животных неожиданно прерывается табунами лошадей, погоняемых пастухами. В закоулках базара и окрестностях ламаистских монастырей можно увидеть лам, одетых в красное, проделавших путь в сотни миль из центральных районов Тибета, торгуя священными реликвиями и талисманами. Забавно было видеть буддийские талисманы, или сунг ва, у тюркских караванщиков из Каргалыка, искренне верящих в их могущество. Среди уличной толпы выделяются балты в черно-синих тюрбанах, обычно выполняющие работу кули, или носильщиков, переносящих тяжелые грузы. Часто можно встретить странные фигуры жрецов - хранителей древнего ладакского учения, представителей коренной этнической расы, растворившейся в волнах внешней миграции.

Во время стоянки в Лехе мы познакомились с сыном ладакского аксакала из Лхасы, очень проникательным молодым человеком, прибывшим в город на лето. Он привез с собой плитку чая, тибетскую одежду-пуру, ламаистские сапоги, сшитые в Дрепунге, и другие культовые предметы. Ему принадлежало несколько тибетских ксилографий, среди которых особенно привлекало жизнеописание, или нам-тхар, Джецюна Миларепы, великого тибетского отшельника и поэта XI века.

Прогуливаясь по улицам Леха, чувствуешь пульс Великой Азии, скрыто бьющийся за внешним покровом современности.

Коренное население Ладака занимается в основном сельским хозяйством на фермах и в деревнях, разбросанных по долине Инда и широкой

песчаной равнине в окрестностях Леха. Заниматься сельским хозяйством в этой гористой местности можно лишь в долинах рек и редко на высотах, превышающих 12000 футов над уровнем моря. Из-за нехватки пахотных земель, представленных главным образом речными наносами и террасами, местное население вынуждено заниматься сельским хозяйством только в нескольких речных долинах.

Лех, название которого иногда произносится как сЛел или сЛес, со времени правления раджи Бум-лде (XV век) стал постоянной резиденцией ладакских раджей.

Достопримечательности Леха состоят из дворцов, ступ, храмов, каменных изображений и древних захоронений. На подступах к Леху уже издали виднеется очертание белой громады дворца, воздвигнутого около 1620 г. раджей Сенг-ге рнам-ргьялом, одним из величайших строителей Ладака. В работе ему помогал лама сТаг-тшанг рас-чен, которого он пригласил к своему двору. Дворец возвышается над городом, а дома, ютящиеся вокруг него, напоминают каменные ступени, ведущие к внушительного вида зданию, или алтарю. Говорят, что лехский дворец строился по образцу знаменитой Поталы в Лхасе, поэтому между этими двумя памятниками древнего Тибета есть некоторое сходство. Благодаря любезности ладакского раджи, нам посчастливилось провести несколько дней в лехском дворце.

К знаменитым «львиным» воротам дворца раджи ведет широкая дорога, с обеих сторон обнесенная низкими стенами из неотесанного камня. Крыша над входом поддерживается расписными деревянными колоннами, а большая каменная лестница ведет в верхние комнаты дворца. Она сильно обветшала, некоторые камни выбиты из ступеней, поэтому подниматься следует осторожно, проверяя ступени на прочность. Наши спутники называли ее «Сассери», сравнивая лестницу с трудной горной дорогой, ведущей на перевал Сассер на каракорумском маршруте. Слева и справа от лестницы в стенах зияли темные провалы - все, что осталось от дверей в кладовые и комнаты прислуги. На верхнем этаже темноту коридора внезапно пронизывает яркий свет, льющийся из бокового квадратного окна без стекла и рамы. Темной ночью, позабыв об осторожности, можно запросто из него выпасть. Пройдя немного вперед, попадаешь в просторный зал с глинобитным полом. Вдоль стен тянется крытая галерея, которую поддерживают резные деревянные колонны с яркой росписью. Стены украшены многочисленными изображениями Зеленой Тары. Несколько каменных ступеней ведут на следующий этаж в жилые покои, комнаты в которых оформлены в обычном тибетском стиле, с квадратными рамами на окнах и резными колоннами, упирающимися в потолок. Массивные двери имеют огромные железные запоры и металлические пластины, служащие украшениями. В одной из комнат дворца лестница выходит на крышу,- откуда открывается изумительный вид на город, лежащий внизу, на снежные вершины горной гряды, окаймляющей южную часть долины Инда, и обдуваемый ветрами хребет Кхардонг ла, над которым нависли легкие облака - предвестники непогоды.

На закате песчаная равнина и скалы, расположенные с противоположной стороны, освещаются ярким заревом. Город погружается в густую фиолетовую дымку, а вереница белых ступ сверкает на равнине как ожерелье из драгоценных камней. Для ладакцев это время молитв, и над каждым домом медленно поднимается дымок благовонных воскурений. В этот час покоя и молитв путешественник, прибывший в столицу маленького королевства, начинает ощущать своеобразную красоту этой страны и непреодолимую силу притяжения, которую она оказывает на своих сыновей.

С крыши дворца по другой лестнице можно спуститься в маленькую великолепную королевскую часовню. Священник, совершающий богослужение, охраняет святые изображения и зажигает у алтаря жертвенные светильники. В центре находится изображение Спасительницы Дуг-кар.

Оно выполнено весьма успешно ладакским художником. Тысячелетняя богиня держит многочисленные символы своего могущества. Вдоль стен часовни висят знамена, некоторые из них старые и чрезвычайно интересные по своему стилю. Поскольку Ладак расположен на пересечении нескольких высокогорных азиатских путей, его культура и искусство несут на себе отпечаток космополитизма. Некоторые знамена раскрашены в индо-персидском стиле, а многие детали, по-видимому, заимствованы из монгольской миниатюры. Рисунок других очень напоминает один из известных живописных мотивов Китайского Туркестана. Мы долго рассматривали знамена в мерцающем свете свечей, так как кощунственно было нарушать полумрак часовни ярким светом карманного фонаря.

К сожалению, дворец не был идеальным местом для стоянки экспедиции, обремененной сотнями чемоданов, тюков и вьючных пони. Проведя несколько дней в фантастической атмосфере древней обители ладакских раджей, мы были вынуждены вернуться в нашу штаб-квартиру в почтовом бунгало, где было достаточно места, чтобы разместить грузы и лошадей.

Самый древний дворец Леха расположен в окрестностях города на крутой скале Нам-ргьял рцэ-мо. По преданию, он был воздвигнут раджой бКра-шис рнам-ргьялом (1520 г.). Ныне от этого древнего сооружения остались лишь развалины, а некоторые из его стен пошли на строительство нового монастыря на холме.

У подножия холма расположена маленькая деревушка Чуби, основанная тем же раджой.

Нынешний раджа Ладака живет в своей летней резиденции в Тогге, получает небольшую пенсию и ведет уединенный образ жизни, редко бывает в городе и заезжает в Лех лишь в канун новогодних праздников. В почтенном возрасте он постригся в монахи и в настоящее время занимается религиозной деятельностью. Это святой, благородный человек, владеющий сокровенной мудростью своей страны. Когда он появляется на улицах Леха во время редких визитов, многие люди падают ниц, приветствуя потомка древнего рода Гесера.

Храмы и монастыри Леха с их своеобразной архитектурой придают городу особый колорит. Самый древний храм Леха, расположенный на скале Нам-ргьял рцэ-мо, посвящен Майтрейе. По преданию, его воздвиг раджа Бум-лДе. Здесь же находится знаменитый храм Гон-кханг, посвященный владыкам, или называемый по-другому - Дхармапалас четырех сторон света. Он был воздвигнут раджей бКра-шис рнам-ргьялом, строителем Дворца на этом самом холме и деревушки Чу-би. В храме есть фрески, значение которых усиливается тем, что их можно точно датировать. В истории развития тибетской живописи, к сожалению, отсутствует датировка по годам. Можно отметить чужое влияние на тибетское искусство, но соотнести его с определенным историческим периодом невозможно. Вот почему всегда испытываешь радость, обнаружив фрески и картины с точной датировкой. В дальнейшем хотелось бы написать отдельную работу, посвященную настенной живописи монастырей Тибета. Как и все в Ладаке, она имеет глубокие корни в прошлом, ведь художники, которые выполняли их, вдохновлялись не только каноническим искусством Тибета, но и светской живописью соседних стран. Очень сильное впечатление производит фреска, изображающая семейство ладакских раджей. Мужчины одеты по-монгольски, а женщины изображены в национальных ладакских платьях. Это свидетельствует о двойственности, которая все еще характерна для культуры современного Ладака.

Ниже дворца Сенг-ге рнам-ргьяла стоят два храма, один из которых посвящен грядущему Будде Майтрейе, а другой Авалокитешваре - божественному владыке Тибета. В храме (лха-кханге) Майтрейи, кроме огромного изображения грядущего Будды, имеются замечательные и интересные древние фрески. На одной из них представлен Созерцающий, или Дхиани-Будда, облаченный в великолепное одеяние бодхисаттвы. Поблизости виднеются развалины дома бывшего министра (бКаблона) Ладака, где еще можно найти древние глиняные изображения и рукописи.

К северу от Леха расположен небольшой монастырь Зангскар, филиал монастыря Спитуг. Он построен сравнительно недавно, и в нем сохранились довольно хорошо выполненные изображения и фрески. Если пройти через квадратный дворик, вымощенный массивными каменными плитами, то попадешь в центральный храм, расположенный перед входными воротами, в первом зале которого находится глиняное изображение Авалокитешвары, Бога Милосердия. Стены храма покрыты современными фресками, прекрасно выполненными широко известным ладакским художником. Сейчас он уже старик и живет в монастыре Трикше. Из первого зала попадаешь в маленькую часовню, отведенную для богослужений богине Дуг-кар. Здесь, кроме изображения богини, мы увидели большое изображение Манджушри, или Джам-пе янга, покровителя знания. Остальные монастырские постройки заняты под кельи и кладовые.

Стоит посетить городскую резиденцию скушока, или настоятеля, широко известного монастыря Хемис, находящуюся в ведении нирва - управ-

ляющего. Настоятель бывает здесь крайне редко, и поэтому большую часть года дом пустует. Это типичный тибетский особняк, из верхних комнат которого открывается прекрасный вид на долину Инда и снежные вершины гор. Как и подобает, на первом этаже размещены конюшни, комнаты для слуг и кладовые. На втором находится чистая кухня с огромными блестящими котлами и другой кухонной утварью. Верхний этаж занимают просторные жилые покои с большими квадратными окнами. Лишь в одной комнате окна застеклены, а в остальных рамы без стекла и бумаги были украшены красивой резьбой.

В некоторых частных домах Ле́ха жилые покои расписаны фресками. В одном из них я обнаружил серию картин, повествующих о жизни Джецюна Миларе́пы, о его столкновении с бонским магом Наропой на священной горе Кайлас и о других эпизодах из жизни святого. В той же комнате мое внимание привлекла любопытная фреска, на которой были изображены китайский император и момент прибытия к его двору ладакских послов, но, к сожалению, она также не была датирована.

Владелец дома называл ее «Китайский император», или рГья-наг-ги конг-ма чен-по. Это была вторая историческая фреска, которую я обнаружил в Ладаке, но, несомненно, существуют и другие. Фресковая живопись до сих пор распространена в Ладаке, и местные художники создают иногда произведения искусства, вполне сопоставимые с работами мастеров центральноазиатской школы, для которой характерна строгость композиции и рисунка.

В деревне Чангпа, в окрестностях Ле́ха, доктор Франке нашел интересные фрески, воскрешающие важные события из жизни Гесера. Настенная живопись, обнаруженная в летней резиденции семьи бКа-блон, или министров, рассказывает о войне Гесера против лДжанг-дмаг, страны, расположенной на востоке Тибета. Фрески, посвященные Гесеру, чрезвычайно редко встречаются в Тибете, и с благодарностью вспоминаешь доктора Франке, снявшего с них копии.

Столица Ладака изобилует ступами, мендонгами и каменными изваяниями. На широкой равнине в окрестностях Ле́ха находится самый длинный в стране мендонг с огромными ступами по краям. Он был построен раджой Дел-дан рнам-ргьялом (1620-1640 гг.). Ладакские ступы отличаются тем, что имеют у основания роспись по штукатурке. Иногда это фигурки крылатых лошадей, львов, павлинов или лебедей. В Ле́хе и на подступах к нему встречается множество каменных статуй. В деревушке Чангпа имеются два замечательных каменных изваяния, одно из которых принадлежит Будде Сакьямуни, а другое Будущему Будде. Сакьямуни изображен стоящим, руки сложены в жесте наставления (дхарма чакра-мудра). Ему помогают Майтрейя и Падмапани, находящиеся по обеим сторонам главной фигуры. Второе изваяние принадлежит Майтрейе, который держит четки и вазу, или бум-па. Следует отметить, что повсюду в Ладаке Майтрейя представлен с четками в правой руке, а не со стеблем цветка лотоса, как

это принято изображать на бронзовых фигурках в Центральном Тибете. Очевидно, что четки принадлежат к более древней традиции. По дороге к перевалу Кхардонг находится каменное изображение Майтрейи с теми же атрибутами.

В окрестностях деревушки Дранг-цзе на озере Панконг наше внимание привлекла группа памятников, имеющих форму Мальтийского креста с согдийскими надписями. До сих пор неясно, когда и почему они были установлены в столь отдаленном месте, как Дранг-цзе на Пангконг тшо. Очень вероятно, что здесь существовало поселение несторианских христиан, приплывших в Ладак в VIII-X веках, когда вдоль торговых путей Туркестана и в других регионах Центральной Азии находилось множество несторианских колоний. В настоящее время уже невозможно определить, были ли приезжие несториане купцами или паломниками. Среди мусульманского населения Ладака и Кашмира существуют легенды христианского толка, по-видимому, относящиеся к несторианской эпохе. В Центральной Азии несториан называли «эркэгун-аргун». Следует отметить, что ладакцы смешанного происхождения (а таких здесь не меньше половины), имеющие тюрков среди своих предков, так же называют себя аргунами. В Монголии несториан называли тарсами и эркэгунами. Этимологию последнего слова установить теперь уже трудно.

Культура ислама представлена в Лехе большой мечетью, расположенной в верхнем углу базара. Вероятно, она была воздвигнута после прихода Наваба Фате-хана в Ладак. Из других памятников старины можно упомянуть так называемые дардские могилы, раскопанные миссионерами в Тэугзер-по, местечке, расположенном на две мили выше бунгало британского представителя. В этих подземных помещениях, сложенных из неотесанных камней, были найдены глиняные горшки с линейным орнаментом, мелкие бронзовые предметы, четки и т.д.

В некоторых горшках лежали человеческие кости. Это свидетельствует об обычае расчленять мертвые тела и хоронить кости и плоть в кувшинах. Однако происхождение этих захоронений неясно, а доктор Франке полагает, что они оставлены дардами. Все найденные черепа принадлежали долихоцефалам (длинноголовым), в то время как современные тибетцы Ладака - брахицефалы. Тибетцы - смешанная раса, и во время наших стоянок среди кочевников я собрал ряд фактов, доказывающих, что когда-то в древности здесь существовало население с продолговатой формой черепа. Кочевники приграничных районов Тибета имеют черты долихоцефалов и брахицефалов. По результатам исследований можно сделать вывод, что хорпы из района Тангла в большинстве своем долихоцефалы, панаги, голоки, ньяронгвы и жители северной провинции Кхам имеют аналогичное строение черепа. Чангпы из района озер в большинстве имеют черты брахицефалов, у некоторых прослеживается переходный тип. Аграрное население в долине реки Брахмапутры и Юго-Восточного Тибета так же относятся к брахицефалам. Из вышесказанного становится ясно, что поселения

долихоцефалов сохранились вдоль тибетской границы, в то время как центральная часть страны в первые века была покорена расой брахицефалов. Я склоняюсь к тому, что могилы в Тэу-гзер-по оставлены древне-тибетскими племенами долихоцефалов. Интересно отметить, что лехские захоронения в народе называют «могилами кочевников», что полностью соответствует действительности, и не удивительно, что среди кочевого населения встречается долихоцефалический тип с тонкими чертами лица и прямыми волосами. К сожалению, миссионерам пришлось прекратить раскопки, и множество захоронений ждут своего часа. Было бы очень интересно сопоставить ладакские захоронения с аналогичными находками в районе Великих Озер на севере Трансгималаев.

Знаменитый монастырь Хемис часто описывался в книгах об этой стране. Религиозные танцы, проходящие здесь в конце июня, привлекают многих европейцев. Несмотря на относительно небольшой возраст постройки, в монастыре хранится старая бронза, а фрески в храмах современные и имеют лишь иконографическую ценность.

Дорога, пролегающая по долине Инда, необычайно живописна. Яркая зелень полей контрастирует с суровыми очертаниями неприступных гор.

Деревня Шел, расположенная на правом берегу, когда-то была столицей Ладакского княжества и славится древними наскальными надписями и каменными скульптурами. На крутой скале очень романтично расположился монастырь желтошапочников Тик-це (Криг-рце), но, несмотря на это, выглядит запустевшим. Его населяет толпа грязных и невежественных монахов, нагло вымогающих подаяние, отличающихся отсутствием дисциплины, монашеского достоинства и всех тех качеств, которые присущи обитателям монастырей Спитуг и Ридзонг. Их настоятель, разочаровавшись в монашеской жизни, был вынужден покинуть монастырь. Новой инкарнации не произошло, и монастырь был предоставлен сам себе. Здесь нам посчастливилось найти несколько древних бронзовых изделий и старые раскрашенные знамена. Некоторые из дверей монастыря украшены интересной резьбой. Сильное впечатление произвела колоссальная статуя Будды Будущего, освещенная многочисленными жертвенными лампадами. Однако груды мусора в углах храма и толстый слой пыли на предметах культа лишь усиливали ощущение заброшенности. Несомненно, здесь можно было бы найти много интересного, но царящий повсюду беспорядок препятствовал проведению тщательных исследований монастырских построек.

Быстро надвигалась осень. Желтизна садов и частые порывы холодного ветра, дующего с гор, предупреждали нас, что медлить с отъездом нельзя. Несколько дней в город поступали сообщения о начавшихся на горных вершинах снегопадах, и наш караван-баши настаивал на отъезде экспедиции до снежных заносов. Профессор Рерих завершил серию картин о Ладаке и его святилищах, и мы занялись подготовкой к предстоящему трудному путешествию. В караване не хватало людей, и казалось, что будет непросто найти подходящих спутников для долгого путешествия в

Хотан. Мы объявили на базарах о найме караванщиков, и ежедневно наше бунгало стали осаждать толпы желающих. Из этого сборища балтов, ладакцев, кашмирцев, аргунов и тюрков г-жа Рерих выбирала по несколько человек в день, которые оказали нам неоценимые услуги во время путешествия в Китайский Туркестан. Двое из них служили у доктора Свена Гедина, участвовали в его экспедиции 1908 г., а несколько других прошли караванщиками по каракорумскому пути. Все они хорошо знали дорогу и были готовы разделить с нами трудности и опасности предстоящего путешествия. Большинство из них несколько раз побывали в Яркенде и Хотане и бегло общались на языке восточных тюрков. Мы наняли их до Хотана, пообещав оплатить дорогу домой. Кроме денег каждый из наших караванщиков получил теплую шубу, зимнюю шапку и пару мягких высоких сапог (чаруг) с носками из войлока. Пришлось приобрести для них пару палаток для ночлега, но многие на протяжении всего пути предпочитали спать на свежем воздухе или под откидным пологом наших палаток.

В качестве старшего караванщика нас сопровождал сын местного ладакского старшины. Он оказался незаменимым и преданным человеком во время путешествия. Ладакцы - замечательные караванщики, никогда не пасуют перед трудностями и непогодой, неприхотливы и готовы выполнять любую работу. Они могут долго идти пешком по трудной каменистой дороге, на которой караванные животные приобретают увечья, и никогда не кланут судьбу. Впоследствии мы часто вспоминали наших ладакских спутников и их верную службу.

Шринагар. Кашмир

Сонамарг, Кашмир

Профессор Н.К.Рерик
работает во дворце раджей в Лехе. Ладак

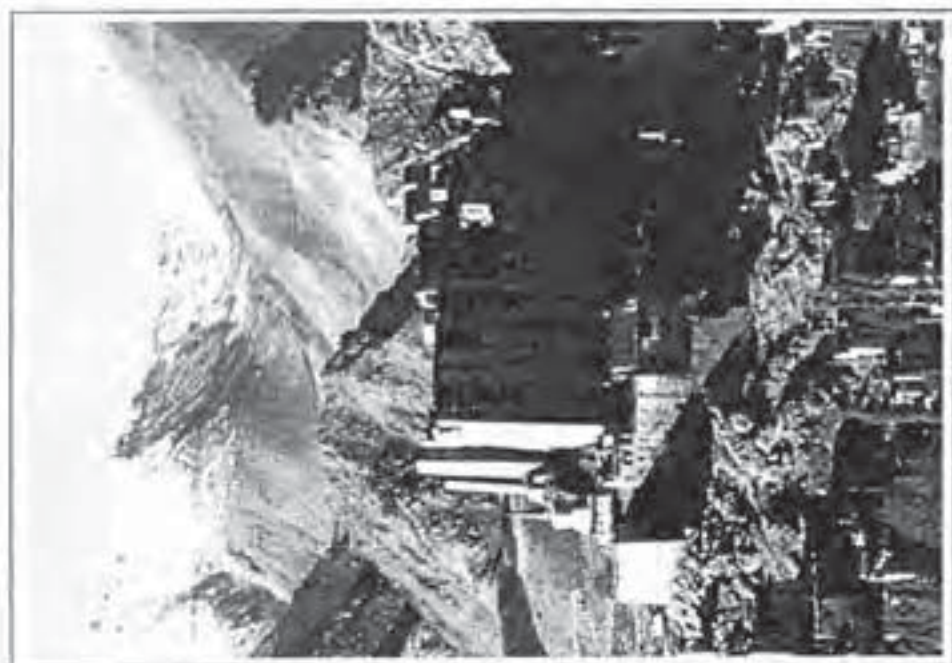
Монастырь Тик-це, Ладак

Каменное изображение Майтрейи
Музей Ладзк

Изображение богини Дуг-кар

„Лех, Ладак“

Мульбе, Ладак

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
I. Кашмир-Ладак	5
II. Из Леха в Хотан	33
III. Хотан	55
IV. Хотан - Кашгар	73
V. Великий северный путь в Урумчи	85
VI. Урумчи и Джунгария	103
VII. Монголия	115
VIII. Подготовка к экспедиции	163
IX. Урга - Юм-бейсе кюрен	171
X. Через Юго-Западную Гоби	191
XI. Джа лама - воинственный священник	211
XII. Среди монголов Цайдама	223
XIII. Через Цайдам	245
XIV. Великое Тибетское нагорье	261
XV. В воротах Тибета	281
XVI. Хорпы и их страна	309
XVII. Нагчу	349
XVIII. Область Великих Озер	373
XIX. От Сага дзонга к Сиккиму	415
Индекс	457